

Кирилл Кочегаров

УЧАСТИЕ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В КАМПАНИИ 1683 ГОДА ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1 683 год стал важной датой в истории Европы. Османская империя, несколько столетий державшая в страхе христианские народы, предприняла последнюю попытку расширения своих европейских владений. Грандиозный поход на Вену и многодневная осада города привлекли к себе внимание всей Европы. На выручку австрийской столицы поспешили отряды немецких князей и армия союзника Австрии — Речи Посполитой. 12 сентября в упорном сражении союзные войска под командой польского короля Яна III Собеского разбили турок и сняли осаду. Военные действия продолжились в Венгрии, Молдавии и Буджацких степях. В этих сражениях принимали участие и украинские казаки.

Проблема участия казачества в кампании 1683 г. неоднократно поднималась историками. Главное внимание при этом уделялось походу казацких войск в Молдавию осенью 1683 — зимой 1684 гг. под предводительством гетмана С. Куницкого. Несомненно, что активный интерес исследователей к этой тематике обусловлен значением в истории борьбы христианских держав Европы с Османской империей такого важного и рубежного события, как победа под Веной.

Первыми историографами казацкого похода в Молдавию 1683 г. следует считать Самуила Величко, самого обстоятельного из казацких летописцев, и львовского каноника Яна Юзефовича¹. Во второй половине XIX в. этот сюжет затрагивали в своих работах, на основе опубликованных источников, историки В. В. Волк-Карачевский² и В. Б. Антонович³, с привлечением архивов Малороссийского приказа — Н. И. Костомаров⁴. Из польских историков впервые к этому сюжету обратился Т. Урбаньский, посвятивший данной теме небольшой очерк, написанный на основе польских

источников⁵. Используя его исследования, а также новые архивные данные, дал подробный анализ Молдавской кампании польский военный историк Ян Виммер⁶. На описание кампании казацких войск 1683–1684 гг., составленные Т. Урбаньским и Я. Виммером, опирались и другие польские историки — М. Вагнер, автор небольшой статьи о казацком гетмане⁷, и известный османист Д. Колодзейчик⁸. Обращался к этой теме и исследователь казачества Ян Перденя⁹, украинские историки И. Нимчук, Б. Крупницкий, Г. Я. Сергиенко, И. Назарко¹⁰, а также советские исследователи Н. А. Мохов и Л. В. Власова¹¹. Последнее время данная проблематика стала предметом пристального внимания украинского исследователя Т. В. Чухлиба¹². Его заслугой является введение в научный оборот некоторых новых источников по рассматриваемой теме, главным образом польских.

Благодаря вышеперечисленным историкам, боевые действия в кампанию 1683 г. на Украине и в Молдавии в общем и целом достаточно хорошо известны. Цель данной статьи — обобщить все известные сведения об участии казачества в кампании 1683 г. с привлечением новых данных источников, особо обратив внимание на спорные моменты.

Ян Собеский, понимая важность казаков в борьбе за Молдавию, предпринял меры по их вербовке еще в начале 1683 г. Основу казацких формирований должны были составить казаки, служившие Речи Посполитой и расквартированные в Киевском Полесье. Известно, что в 1682 г. в Овруче квартировал полк Семена Корсунца¹³, а в Дымере — казаки под командой полковников Мирона¹⁴ и Александра Урбановича. Последним сеймик киевского воеводства 5 марта 1683 г. постановил выплатить 1000 злотых содержания, 300 из которых полагалось самому А. Урбановичу¹⁵. Это говорит о том, что численность казаков была невелика. Протестации шляхты киевского воеводства, опубликованные В. Б. Антоновичем, свидетельствуют, что в отсутствие военных действий казаки активно участвовали в столкновениях представителей шляхетских родов, наездах и грабежах имений. Иногда в подобных мероприятиях участвовали и «охотники», прибывавшие с Заднепровья¹⁶, несмотря на то, что гетман Левобережной Украины

Иван Самойлович универсалом от 20 (10)* мая 1682 г. под страхом смертной казни и конфискации имущества запретил казакам переселяться на Правобережье и поступать на службу к польскому королю¹⁷. Попытки молдавского господаря Г. Дуки, получившего от турецкого султана власть над Правобережной Украиной, организовать там казацкие полки, судя по имеющимся скудным сведениям, большого успеха не имели¹⁸.

21 апреля 1683 г. на Раде Сената было принято решение о формировании казацких полков, а 11 мая утверждены штаты трех полков во главе с С. Корсунцем, Яковом Вороной и неким Калиной¹⁹. Русские послы в Варшаве И. И. Чаадаев и Л. Т. Голосов сообщали, что «Запорожские казаки Ворона с товарищами живут в Варшаве с зимы и по се время, а ныне весною и летом Роман Малюк с товарищами и иные в Варшаве объявились и кормы и жалованье в Варшаве дают не скудное, а подсылкою к ним через верных людей проведено, что король <...> всякими мерами призывает их к себе на турецкую и татарскую войну и жалованье обещает немалое и они его в том крепко обнадеживают»²⁰. Прибывшие в Варшаву казаки предлагали организовать поход казацких чаек на турецкое побережье или нападение на татарские селения. Особую заинтересованность в вербовке казаков проявлял папский нунций в Речи Посполитой Опцио Паллавичини, выразивший желание выделить на это денежные средства²¹.

По подсчетам Я. Виммера, польским правительством в 1683 г. было мобилизовано 13 казацких полков — [Стефана] Куницкого, Василия Искрицкого, С. Корсунца, Я. Вороны, Адама Зеленецкого²², Заленьского, Булукбаши, Александра Барабаша, Максимилиана Бульги, Кшиштофа Лончиньского, Казимира Санецкого, Трофима Кохана и Яна Кобыляна общей численностью 3700 чел. На их вербовку было потрачено около 277 тыс. злотых, в том числе из королевского скарбу — 95,5 тыс. злотых, из папских субсидий — 181,9 тыс. злотых. Автор оговаривается, однако, что фактические выплаты казакам намного превышали зафиксирован-

* При использовании в источниках дат по старому стилю они даются по двум стилям.

ные в т. н. сеймовых счетах и в дальнейшем осуществлялись непосредственно О. Паллавичини²³. Украинский эмигрантский историк И. Назарко, работавший с материалами фонда польских нунциев Секретного архива Ватикана, утверждает, что Римом для найма 3 тыс. казаков было выделено 270 тыс. флоринов, которые папский нунций получил к началу июля 1683 г. Часть этих денег была передана Яну III. В течение июля из Рима было получено еще 100 тыс. флоринов, половина из которых была предназначена для запорожцев, а затем для них же поступило еще 60 тыс. флоринов²⁴. Таким образом, общая сумма денег, перечисленная Святым престолом на организацию казацких войск в 1683 г., равнялась 380 тыс. флоринов. Королевским комиссаром по казацким делам был назначен полковник Якуб Менжинский. Организационные работы были поручены доверенному и опытному офицеру короля, любачевскому каштеляну Станиславу Друшкевичу, сыгравшему впоследствии крупную роль в организации казацкого движения на Правобережье. Он участвовал еще в битве под Желтыми Водами 1648 г. и считался знатоком казачества²⁵. Первые «наказные листы» на вербовку казацких полков выдал коронный гетман Ст. Яблоновский²⁶.

В литературе бытует утверждение, что Ян Собеский уже летом 1683 г. предпринял шаги по привлечению к участию в войне с турками запорожских и левобережных казаков²⁷. Это не совсем верно. Универсал Яна III к населению Украины, цитируемый Я. Виммером, ошибочно отнесен им к июню 1683 г.²⁸, тогда как на самом деле он датирован 20 июня 1684 г. Возможность ошибки исключает упоминание в нем среди союзников Речи Посполитой Венеции, которая вступила в войну только в 1684 г.²⁹

Несмотря на то, что во время сейма 1683 г. выдвигались предложения использования папских субсидий на наем заднепровских казаков, «bez których wojny tureckiej przedsiębrać trudno»³⁰, по окончании сейма решено было пока воздержаться от подобных действий, чтобы не раздражать Россию, на вступление которой в антитурецкую коалицию рассчитывали и Австрия, и Речь Посполитая. Надежды на скорое разрешение России на вербовку левобережных казаков связывали в Варшаве с миссией королев-

ского посланника, витебского ловчего Яна Зембоцкого, направленного в Москву³¹. Эта миссия была составной частью русско-польских переговоров о заключении антиосманского союза в апреле — июле 1683 г.³²

В ходе переговоров в Москве с русским канцлером В. В. Голицыным Я. Зембоцкий, жалуясь на враждебные действия И. Самойловича, не пускавшего королевских посланцев на Запорожье, потребовал выдать для поездок на Сечь царскую проезжую грамоту. Кроме того, посланник попросил официального разрешения царского правительства на найм казаков на польскую службу. Голицын заявил, что эти вопросы могут быть решены только на русско-польской пограничной комиссии в конце 1683 — начале 1684 гг., т. е. фактически отказал Я. Зембоцкому. Под конец переговоров тот попросил до проведения пограничной комиссии послать на Крым казаков под видом «своевольных людей». Голицын ответил, что запорожские и донские казаки и так ходят на Крым «почасту» без всякого повеления, а царский указ им может быть послан только после заключения русско-польского договора о союзе³³. Как видно, заключение Бахчисарайского перемирия в 1681 г. между Османской империей и Россией не положило конец казацким набегам на Крым.

Еще в конце 1682 г., в преддверии надвигающейся войны с Османской империей, Ян III дал согласие на вербовку на австрийские деньги польского вспомогательного корпуса для участия в боевых действиях в составе австрийских войск. Командиром корпуса был назначен Иероним Любомирский. В конце июня корпус, численностью около 2–3 тыс. чел., перешел польскую границу для соединения с австрийскими войсками и в дальнейшем принял участие в оборонительной операции в Венгрии и боевых действиях в районе осажденной Вены³⁴. После окружения турками Вены переправившимся на левый берег Дуная войскам герцога К. Лотарингского, отрезанным рекой от противника, было тяжело добывать языков. Незаменимыми тут оказались казаки, которые находились в составе корпуса И. Любомирского. Четверо «отважных казаков» переправились ночью через Дунай и захватили двух ту-

рок. От пленных были получены данные о количестве неприятельских войск³⁵.

Основные надежды с участием казацких полков в походе под Вену Ян Собеский связывал с деятельностью Я. Менжинского и С. Друшкевича. Однако ко времени выступления войска Яна Собеского на Вену не удалось на вербовать сколько-нибудь значительные казацкие силы. Казаков отпугивали воззвания турок, грозивших им карами за участие в войне на стороне их противников, а также известия об отсутствии денег в скарбе Речи Посполитой³⁶. Я. Менжинский получил указания Яна III давать казакам только обмундирование, обещая что деньги им будут выплачены после соединения с королевским войском. «*Bo inaczej gdyby tam w Polsce robrali byli pieniadzy, toby byli z niemi nazad pouciekali*», — объяснял Собеский свое решение жене³⁷. Польский король постоянно выражал тревогу по поводу медленной вербовки казаков и недовольство действиями находившегося во Львове Я. Менжинского, от которого не получал своевременных известий. «*A ja nie dbam ni o kogo, jeno o samych Kozaków, do których nie raz przez dzień westchnę. Łożywszy tak wielki koszt na nich, a nie mieć ich na sam czas... Tych tedy jednych kozaków popóhac, jeśli nadejdą, i pod tych wozy dawać! Bo się bez innych ludzi obejść możemy*», — писал он жене³⁸. «*Kozacy z Mężyńskim już nie na czas przyjdą, którzy tu jedni byli najpotrzebniejsi osobliwie w przejściu przez te niecnotliwe góry i lasy*», — писал Собеский королеве 9 сентября, во время знаменитого марша союзных войск через Венский лес³⁹. В битве под Веной участвовал лишь отряд в 150 казаков под командой полковника Апостола⁴⁰. С. Друшкевич, получив в августе деньги от О. Паллавчини, активно участвовал в вербовке казацких отрядов, пытаясь привлечь в них и выходцев с Левобережья. Где-то в октябре — декабре любачевский каштелян стал именоваться комиссаром по казацким делам. Видимо, Я. Собеский передал ему эту должность, будучи недоволен деятельностью Менжинского⁴¹. Последний, сформировав во Львове несколько казацких полков, наконец-то выступил в Венгрию. Казацкие полки под командованием Я. Менжинского и Я. Вороны соединились с польским войском во второй половине сентября под Братиславой⁴².

После победы под Веной союзные войска, преследуя бежавших турок, двинулись вдоль Дуная в направлении крепостей Дьёр и Эстергом. Если верить анонимному информатору, то казаки в это время учинили дерзкий набег, доходя аж до Боснии, за реку Саву, и нанесли туркам немалый урон, понеся, правда, при обратной переправе через Саву значительные потери⁴³. Впрочем сообщение это представляется маловероятным. Казацкие разъезды были высланы в направлении крепости Парканы, к которой двигалось союзное войско, чтобы спалить мост через реку Грон, соединявший Парканы с Эстергомом⁴⁴. Миссия эта успехом не увенчалась.

В битве под Парканами 9 октября, закончившейся полным разгромом турецких войск Кара-Мехмеда паши, казацкие отряды штурмовали крепость с северной стороны⁴⁵. Разбитые турецкие войска в панике бежали через мост на реке Грон. Не выдержав тяжести скопившихся на мосту войск, он проломился, однако многим турецким солдатам удалось выплыть на речные острова. Но и здесь они не оказались в безопасности, а были «od ochocznych kozaków wpław za niemi idących na wyspach do szczętu zniesieni»⁴⁶.

«Z kozakami nam dziwnie dobrze bo ci nigdy nie próżnują in szem praedae» — писал неизвестный корреспондент с берегов Грона. По его сообщению, пока войско бездействовало, отдыхая после победы под Парканами и строя новый мост через Дунай, казацкие отряды совершали рейды по округе, устраивая засады на турецкие отряды. Казацкий отряд был придан крупному немецкому отряду под командованием генерала А. Караффы (2 тыс. пехоты с несколькими орудиями плюс кавалерия), который союзническое командование отправило в рейд в направлении Буды⁴⁷. Результатов этого рейда мы не знаем. Однако в своем письме жене от 15 октября польский король выражал недовольство качеством прибывших казачьих отрядов. Посланные на тот берег Дуная казаки не смогли взять языка. «...To canaille, i nie trzeba żadnego fond czynić na nich przyznają się teraz, sami osobliwie Worona, że to oni prostych chłopów zaciągneli, nie Kozaków, bo tak prędko Kozaków dostać nie mogli. Żal się Boże tylko koszty! Ludzie tylko ubogie, a

jeszcze katolików, Xiędza odzierają, wina nabrawszy przedają», — писал Ян Собеский⁴⁸.

Уже во время поворота королевской армии по направлению к польской границе 5 ноября к ней наконец-то присоединились казачьи полки Яна Мышлишевского (в приведённом выше реестре он не упоминается), В. Искрицкого, С. Корсуньца и М. Бульги — общим числом более 1 тыс. человек. 10 ноября при осаде Сеченя — небольшой, но важной крепости в Северной Венгрии, расположенной в устье притока реки Ипель, казаки заставили польского короля изменить о них свое мнение⁴⁹. Сначала они были посланы за языком. Оказалось, что турки заблаговременно укрылись в крепости, а в окружавших Сечень садах никого найти не удалось. Чтобы добыть языка, находчивые запорожцы разыграли целый спектакль. Казачий отряд спрятался в одном из садов, а двое пошли под стены крепости. Турки открыли по ним стрельбу из гаковницы. Один казак упал, притворяясь убитым. Его товарищ нагнулся, начал трясти его и убедившись, что он «мертв», стал стягивать одежду с «убитого». Турки, не желая упускать верную добычу, открыли стрельбу по нему, и казак бросился улепетывать в сторону польского лагеря, причем демонстративно бежал по открытым местам, чтобы видел турецкий гарнизон. Немного погодя из крепости вышел турок, чтобы ограбить «убитого», который лежал не шелохнувшись, специально одетый в красивый красный кафтан. Как только незадачливый мародер нагнулся над ним, «мертвец» ожил и схватил его, а из рожи вылетел казацкий отряд, не давая туркам оказать помощь товарищу. Язык был доставлен Яну III, который получил необходимые сведения о состоянии крепости и численности гарнизона⁵⁰. Отличились казаки и в ходе штурма крепости. «[Казаки] так отважно и мужественно пошли на штурм, — писал польский король жене, — что под прикрытием дыма не только предместье и конюшни, но и первый палисад и ворота тотчас захватили и хоругвь свою с крестом там воткнули, о чем, мое сердце, на радость изволь Ваша Милость рассказать нунцию, потому что [казаки]... у всех хорошую себе заработали репутацию». Казаки понесли и главные потери в этом бою — около 20 убитых. В награду за проявленную храбрость им досталась

основная добыча в крепости⁵¹. Казацкие силы в основном возвратились в Речь Посполитую вместе с Яном III, однако по некоторым, не совсем ясным свидетельствам источников, в Венгрии в местечке Унгвар (Инквар) остался зимовать полк М. Булыги. Судьба его точно не известна, но видимо отставляла желать лучшего⁵².

Известны «расспросные речи» левобережных казаков — участников похода под Вену, счастливо возвратившихся домой в январе 1684 г. «Апостолец (полковник Апостол-Ясеновский. — *Авт.*) подговорил нас сказал нам что будто хотели нам по 10 талерей на месяц давати», — рассказывали казаки Ероха и Таран. «А только дано нам по сукну, и мы были под Веною и с ляцким войском встречали короля цесарского как въезжал в Вену. А потом ходили под Пархан [Парканы] и под Стригон [Эстергом] и взяли те города». После окончания кампании казаки сопровождали во Львов тело умершего во время похода польного гетмана Миколая Сенявского. Во Львове они получили от С. Яблоновского по 110 золотых. Другой участник похода под Вену, киевский казак Кирилл Петров поведал, что «пошел он из Киева прошлого лета к Белой Церкви сшелся там с Чамухою ватажником, которой с своевольными <...> шол в Полшу в семидесять конех». Во Львове ватага Чамухи поступила на службу «при дворе» А. Потоцкого, а затем была отправлена в поход в составе польских хоругвей. Как непосредственный участник, К. Петров достаточно подробно и точно описал бои под Веной и Парканами⁵³.

Гораздо более важное значение имели действия казацких отрядов в Подолии и Молдавии. С началом войны здесь возникло стихийное казацкое движение против османской власти. Казачество самостоятельно организовывалось в ватаги, искавшие службы у польских вельмож или самого короля. Переяславский казак Богдан Лазарев еще весной вместе с товарищами отправился на Низ для рыбной ловли, «а там пришед услышал обман полской что они зазывают казаков и о празднике Успения пресвятыя Богородицы (15 августа ст. ст. — *Авт.*) с [Яном] Кобилянном своевольцом пошли они человек с шестьсот к корунному гетману...»⁵⁴.

Активные усилия по формированию казацких отрядов, помимо Я. Менжинского и С. Друшкевича, прилагал также командующий польскими войсками на Украине краковский каштелян Анджей Потоцкий. Готовясь к походу на Вену, великий визирь Кара-Мустафа стремился мобилизовать как можно большее количество войск. Турецкие гарнизоны в Молдавии были значительно ослаблены, а в Подолии — не пополнены после тяжелой зимовки для непривычных к холодам турок. Столкновения небольших казацких отрядов, часто во взаимодействии с польскими, с турецко-татарскими, в Подолии отмечаются источниками, начиная с конца сентября 1683 г. В конце месяца произошла стычка казацкого отряда, шедшего на соединение с польскими войсками, с турецко-татарским отрядом под Брацлавом. Турки преувеличенно оценивали численность казаков в 1000 чел.⁵⁵ Действия казачества активизировались после распространения по Украине известия о победе польско-немецких войск 12 сентября под Веной. По свидетельству Б. Лазарева, отряд Я. Кобыляна, не найдя коронного гетмана во Львове, соединился с отрядом полковника Барабаша под местечком Заваловым. Оттуда казаки, которых теперь насчитывалось около 2 тыс. чел., двинулись на соединение с А. Потоцким. Краковский каштелян выдал им «платье» и «по пяти золотых да по кафтану». После этого польско-казацкий отряд двинулся на Чортков⁵⁶. В начале октября город был захвачен, а турецкий гарнизон Чорткова уничтожен. Источники сохранили нам любопытный эпизод о действиях казаков. В одном из домов трое турок каким-то образом умудрились спрятаться в дымоходной трубе. Казаки одного из них заметили и, чтобы заставить его слезть, подожгли солому на крыше дома. Турок, не выдержав дыма, слез и выдал двух оставшихся товарищей. Казакам не удалось захватить большую добычу в Чорткове, поскольку турки успели предварительно вывезти большую часть имущества⁵⁷.

Примерно в это же время польско-казацкий отряд организовал под Каменцом засаду на турецкий отряд, шедший из Язловца (по одним данным 800 чел., по другим — более 2000; сам же польско-казацкий отряда насчитывал будто бы 450 чел. Впрочем, к данным этим, исходящим из «лагеря» победителей, следует отно-

ситься с осторожностью). Турки, проведав об ожидавшем их нападении, соорудили укрепленный лагерь. Три дня сидели поляки и казаки в лесу, чтобы не выдать своего присутствия, питаясь при этом лесными яблоками. Решив, что опасность миновала, турки выступили из лагеря и подверглись внезапному нападению противника. В ходе боя турецкий отряд был полностью уничтожен, в живых остался только захваченный в плен предводитель — некий Мустафа-ага. В первой половине октября казаки выбили турок также из Ягельницы и Гусятина⁵⁸.

Как видно, действия казацких отрядов во второй половине сентября — первой половине октября были достаточно разрозненными и, несмотря на некоторые успехи, не имели большого значения для общей борьбы на антиосманском фронте.

В октябре — ноябре возвращавшиеся с Венгрии татарские отряды (ок. 5 тыс. чел.) совершили набег на Волынь и Полесье. Не ожидавшие набега жители были застигнуты врасплох. Татарские чамбулы захватывали ясырь под Бродами, Лабунем, Грицевом, Изяславом, Острогом, доходя до Белой Церкви, Синявы и Рокитно. «Орды нечаянно прибежав в уезд волынский, подольский и в Полесье в самое заговенье Филиппова поста (Филиппов или рождественский пост начинается 28 ноября ст. ст. — *Авт.*) много людей убьютка зделали и в полон побрали и впред конечно готовятца к полякам належашую страну разоряти», — писал киевский полковник Григорий Карпович гетману И. Самойловичу 13 (3) декабря 1683 г. Киевский сотник Сава Туптало (отец св. Димитрия Ростовского?) 29 ноября (8 декабря) сообщал киевскому полковнику Григорию Карповичу, что по словам очевидца татары «кругом Лабуня и Грицова пять сел со всем до последнего человека взяв погнали...»⁵⁹.

А. Потоцкий, имея в своем распоряжении около 7 тыс. человек, не смог полностью воспрепятствовать татарским нападениям. 28 октября 1683 г. его войска разбила под Зиньковым один татарский отряд, отбив около 1 тыс. человек ясырю, а в начале ноября осадили Язловец. Вскоре А. Потоцкий, получив известия о возвращающихся из Венгрии новых татарских отрядах, был вынужден снять осаду⁶⁰. В осаде Язловца участвовал уже упоминавшийся

отряд Барабаша. Однако как раз после этого часть казаков, среди которых был и Б. Лазарев, покинула краковского каштеляна и двинулась к Немирову⁶¹, ставшему центром казацкого движения на Правобережье осенью 1683 г.

С. Друшкевич занимался вербовкой казаков на Волыни. В соответствии с распоряжением короля было решено не отправлять больше казацкие полки в Венгрию, а использовать их для боевых действий в Молдавии и на Подолье⁶². Деятельность С. Друшкевича так досаждала И. Самойловичу, что по его инициативе русской делегации, которая в январе начала вести переговоры с польско-литовской в Андрусово, были посланы указания добиваться его высылки с Правобережья⁶³. Польские «новины» сообщают, что к декабрю С. Друшкевич на вербовал в общей сложности около 12 тыс. казаков⁶⁴. Цифра эта, несомненно, преувеличенная, свидетельствует, тем не менее, о том подъеме, который на Правобережье вызвало известие о победе под Веной. Один из организованных каштеляном любачевских отрядов под командой атамана Кулика будто бы совершил набег на Очаков⁶⁵. Участвовали в боевых действиях в Молдавии и донские казаки. Польские источники называют цифру от 200 до 500 донцов, входивших в состав отрядов Стефана Куницкого⁶⁶. Несомненно, что упоминание Донского войска в контексте присяги в Кишиневе (о ней см. ниже) свидетельствует о заметной роли донских казаков в его войске.

Главным событием боевых действий на Украине и в Молдавии в 1683 г., безусловно, следует считать поход в Молдавию и на Буджак войска шляхтича Стефана Куницкого. С. Куницкий был человеком авантюрного характера. В прошлом, 1682 г., он служил туркам. Вот что писал по поводу С. Куницкого и его брата Ян Собеский в разосланных сенаторам *deliberatoriach* от 30 сентября 1682 г.: «...swieżo niejakięgo Kunickiego za pułkownika białocerkiewskiego gospodar Wołoski imieniem tureckim podał, brata zaś jego podstarościego niegdy Niemirowskiego <...> [С. Куницкого] Korsuńskim deklarował, i osadzono pulkownikiem. Ten tedy pierwszy Sieniawkę i Rokitno do Biały Cerkwie nam per pacta... puszczone... i zdawna należące na stronę turecką począł był odrywać, ale dostał się w naszy ręce i jest przysłany do obozu przez... commendanta biało-

cerkiewskiego»⁶⁷. В преддверии надвигающейся войны С. Куницкий 26 июля 1683 г. обратился с письмом к кому-то из польских вельмож, вероятнее всего, к гетману С. Яблоновскому. Называя себя «славного отечества (т. е. Речи Посполитой. — *Авт.*) сыном, под турецким протекторатом живущим», он выражал готовность перейти на службу польского короля. С. Куницкий сообщал о ходивших слухах, будто подвластные туркам христианские народы ожидают начала войны, чтобы сбросить «турецкое ярмо». Отмечая, что визирь Кара-Мустафа собрал все войска для похода на Венгрию, он предлагал организовать нападение на Молдавию и Буджак, пользуясь отсутствием там Белгородской орды. С. Куницкий писал, что множество охотников готово поучаствовать в походе, выражая надежду, что удастся на вербовать «несколько десятков тысяч человек». Вместе с ним письмо подписали сорок представителей казацкой старшины, с которыми С. Куницкий провел «тайный совет» (*consilium secretum*)⁶⁸. Перед выездом из Кракова, в августе 1683 г. Ян III присвоил ему звание казацкого гетмана, а нунций О. Паллавичини выдал деньги. Во второй половине сентября — октябре С. Куницкий, собрав довольно значительное казацкое войско, занял Немиров и изгнал оттуда Яна Драгинича — наместника молдавского господаря Георге Дуки. Здесь казацкий гетман задержался некоторое время, занимаясь вербовкой казаков и реорганизуя войско⁶⁹. По свидетельству левобережных малороссиян, бывших в это время на Правобережье и в Молдавии, в этом ему активно помогал брат Александр⁷⁰. С. Куницкому были доставлены от короля гетманские знамена и булава и присланы в помощь «ляцкие хоронгви». «А казакам <...> даны кафтаны и денги по два талера, а казакам тем которые с их стороны (левобережным. — *Авт.*) кавтанов не дают <...> А те что в кавтанах великие обиды своим людем и жидам чинят», — сообщал переяславский мещанин Тимофей Заяченко⁷¹.

С. Друшкевич и белоцерковский комендант Эрнест Оттон Раппе пытались привлечь к военным действиям против турок и татар казаков Запорожской Сечи. В конце июля 1683 г. запорожцы отправили в Москву посольство во главе с кошевым Григорием Ивановичем с просьбами о жаловании и высылке султану грамоты

с требованием разрешить казакам ходить в подвластные туркам земли в низовьях Днепра для добычи соли. Во врученной им 17 (7) августа царской грамоте обещалось удовлетворить их пожелания⁷². 15 ноября полковник О. Раппе направил на Запорожскую Сечь своих посланцев. В районе Черного леса при переправе через реку Ингул (южнее Чигирина) казаки Раппе попали в засаду, организованную казаками Гадяцкого полка, однако темная ночь и запасные кони позволили им уйти от преследователей. Кошевой принял посланцев приязненно, однако прежде проведения войсковой рады отказался взять у них письма. Рада произошла на следующий день. Были зачитаны письма О. Раппе, в которых запорожцам объявлялось о победе под Веной, а сами они призывались на королевскую службу. Казаки выразили свою радость по этому поводу, но заметили посланным, что «Gdyby nam Król... przysłał człowieka znacznego, a przy tym kontentacją tobyśmy lepiej na sławę JKМści robili». Пока посланцы Раппе находились в Сечи, запорожцы получили известие о передаче русской стороной татарам «казны» под Переволочной. В Сечи стали строить планы ее перехвата, однако в это время на кош приехали царские послы с жалованьем. Это остудило казацкий запал касательно не только нападения на татарских послов с царской казной, но и помощи польскому королю. Кошевой, получивший 500 руб. и 40 соболей, уклончиво обещал сам пойти на войну, «byle jakie pocieszenie od JKМści było dla czerni». В результате до Белой Церкви пошло всего-навсего 100 «охотников»⁷³. Продолжая тянуть время, кошевой перед самым Рождеством выслал к польскому королю посольство из 10 человек во главе с Гриньцом Пирятинским, казаком кисляновского куреня, и Денисом, сотником уманского куреня, «отзывающемся с послушанием и повиновением и обещающемся чинити послугу, есть ли им король над Крымом промысл начати укажет». Посольство это, по свидетельству сообщавшего о нем в Москву И. Самойловича, было выслано без ведома тех казаков «которые великим государям верны суть и мне гетману приятны»⁷⁴. О том, что действия запорожцев не отличались активностью осенью 1683 г., свидетельствует и письмо перекопского бея И. Самойловичу, полученное тем в конце 1683 — начале 1684 гг. Обычно во взаимной перепис-

ке как с русско-украинской, так и с татарской стороны скрупулезно перечислялись все взаимные обиды и нарушения перемирия. В этот раз бей пожаловался только на один мелкий набег запорожцев, убивших 5 татар и угнавших несколько волов и лошадей⁷⁵.

Усилившийся поток беглых казаков с Левобережья серьезно обеспокоил гетмана И. Самойловича. Информация, которая стекалась в Батурин, свидетельствовала о тревожном положении на Правобережье.

6 октября 1683 г. в Батурин для консультаций с гетманом Иваном Самойловичем от имени царского правительства, в преддверии русско-польской комиссии в Андрусово, приехал севский воевода и окольный Леонтий Романович Неплюев. В ходе переговоров с ним гетман объявил, что только что получил известия о провозглашении С. Куницкого гетманом на Правобережье (буквально несколько дней назад И. Самойлович, имевший на Правом берегу обширную сеть осведомителей, говорил Неплюеву, что назначение правобережного гетмана только готовится), «и Немиров ис под турок здался под владенья полское а Ян Драгинич из Немирова отпущен со всеми пожитки в Волощину а приняв Немиров он Степан и в нем оставил брата своево Александра Куницкого жь». Сам Стефан с отрядами направился к Меджибожу. «Място» немедленно сдалось новоявленному гетману, зато в невеликом замке заперлось около ста турок, соглашаясь единственно на посылку письма в Каменец за разрешением на капитуляцию. И. Самойлович не верил сообщениям своих информаторов о якобы 15-тыс. войске С. Куницкого, заявляя, что приказал устроить смотр всем левобережным полкам, и «по переписи полковников всех полков [на Правобережье] пошло мало болши дву тысяч». Гетман предложил царскому правительству провести смотр и слободских полков (что позже и было осуществлено). Воспользовавшись начавшимися военными действиями, он также осуществил сгон сорока семей с правобережного местечка Мошны, начавшегося заселяться при Я. Драгиниче, а дома поселенцев приказал сжечь. При этом гетманским казакам не удалось поймать «самозванного» мошнинского полковника Вергуна, захвачена была только его жена. Самойлович констатировал, что теперь, когда правобережные земли вновь

переходят под польскую власть, начавшееся переселение приостановится, поскольку «от руки татарской и меча загонных докук борониться им [переселенцам] будет трудно». Еще ранее перед приездом Л. Р. Неплюева гетман послал в городки Переяславского полка, где больше всего «своевольных глав показалось» доверенного человека Ивана Лисицу с универсалом, предостерегавшим казаков от «ляцких прелестей», и просил Москву направить в Переяславль и другие «побережные Днепровые места» московский рейтарский из Москвы и стрелецкий из Трубчевска полки. Неплюеву гетман вновь повторил свою просьбу. Кроме того он сообщил, что «от Дону и от Тору [Терека?] многие люди знамена себе зделав, пошли дикими полями переправяс одне через Сечь запорожскую, а другие через Кодак, на ляцкую службу, а то прелщены быша призыванием полским таковым что ляхи дают денги...»⁷⁶. Стрелецкий и рейтарский полки были направлены в Переяславль в ноябре 1683 г.⁷⁷

Переяславский полковник Леонтий Полуботок жаловался И. Самойловичу, что «беспутные наши за Днепр беглые казаки за службу свою великою нуждою одарены з голоду по лесам везде над шляхами засели разбивали торговых людей за которых самовольством невозможно проведати вестей». По словам возвратившихся в конце ноября в Переяслав трех беглых казаков, «Куницкой в Цехиновци живет, а казаки в Виннице и по иным тамошним городам. Однакож зело много казаков (хотя иных повешали) бежат и укрываются по лесам, ожидая как Днепр станет, чтоб удобней домой уйти могли». Чтобы добыть новые вести, Л. Полуботок послал на Правобережье «в делех искусного человека, о котором конечно чаю что советом своим всех возвратит домой, обнадежив их милостью вельможности вашей. Ныне послал есмь духовного человека, который торгом упражнятися извык, так ныне одарив его яко и возвратившемуся труд воздати обещаю по моему велению даже в самые Ясы итти обещал и так там в самовольном собрании Куницкого прислушиватися речам и вестям, такие между ими самовольниками тайны быти не могут с теми кой час в Переяслав возвратится без задержания». Другой лазутчик Л. Полуботка, некий «греченин», сообщил, что «великую беду и убойства тамош-

ним людям зазывщики чинят, от чего и сей меньшей Куницкой (Стефан. — *Авт.*) уняти не может ибо на всякой день безпрестанно довольно употребляет оставшихся вин после Драгинича». В бытность «греченина» в Немирове «от большого беглеца (Александра. — *Авт.*) Куницкого до того еще (т. е. Стефану. — *Авт.*)... принесен лист в котором приказывается ему чтоб из Немирова вышед з зазывщиками пронимался в Ямполь (Ямполь. — *Авт.*), а оттуда собрався имеет итти в Ясы». По сведениям Л. Полуботка, «Куницкого брат или племянник Александр который поволит торговых гречан и нашествящих людей воровским людем грабити за то преступление будто в Немирове в железах сидит токмож то может быть для того что более торговых людей заманити. О здешних беглых здешной стараны казаки сказывают то, будто все обретающиеся при Куницком возвратитися имеют токмо ожидают чтоб Днепр морозами скрепило».

Для направления беглых казаков в Немиров в Богуславль была направлена жена С. Куницкого, которой О. Раппе дал охрану в 20 казаков (по другим сведениям — 14 драгун и 4 казака). Здесь она собирала с проезжающих «установленную пошлину» — «мостовщину», видимо, за переправу через реку Рось. Двор Куницкой стал прибежищем «снизу и сверху вора на зазыв идущим; как доберутся до Богуславля тогда уже прямо идет в Немиров, а прежде всего в Белую Церковь», — сообщал информатор Л. Полуботка. Л. Полуботок предлагал И. Самойловичу направить в Богуславль казачий отряд, чтобы «сомчать» Куницкую в Переславль, но скоро в Богуславль заявили татары «и там всех людей сколь много в тех местах было с женами и з детьми побрали». Только Куницкой и сопровождавшим ее казакам удалось, запершись во дворе, отбиться от татар. Далее чамбул двинулся к Корсуню, захватив по дороге ничего не опасавшихся пасечников с Левобережья. После этого жена Куницкого перебралась в Немиров к мужу.

Все эти сведения гетман И. Самойлович 29 (19) декабря прислал в Москву, сообщив, что направил сторожевые отряды для пресечения побегов на Правобережье⁷⁸. Жалобы на грабеж правобережными казаками греческих и малороссийских купцов содержались также в декабрьской отписке гетмана, где выказывались

пожелания касательно русско-польских переговоров в Андрусове⁷⁹. Купец Мануйла Константинов, уроженец Македонии, ехавший с товарами и «с полоняниками с рускими людми» из Стамбула в Киев, был ограблен в январе 1684 г. вместе со своим товарищем за Днестром «воровскими казаками». В надежде найти управу на грабителей, он направился в Немиров к уже вернувшемуся туда из Молдавии С. Куницкому. Результатов его «сыску» мы не знаем⁸⁰.

Как видно, в Батурине были достаточно информированы о ситуации на Правобережье, посылая туда агентов не только для «проведывания вестей», но и агитировать бежавших казаков возвратиться на Левый берег. Не стоит, видимо, доверять сведениям Л. Полуботка о готовности всех казаков возвратиться после того, как станет Днепр, но нельзя исключать и того, что некая часть бежавших, встретив неласковый прием у правобережного гетмана, возвращалась назад, другие же, пользуясь идущими военными действиями, организовывали разбойничьи ватаги.

Оставленных польским королем войск на Правобережье оказалось явно недостаточно, чтобы защитить его население от татар, отряды которых хозяйничали на Волыни и даже под Белой Церковью, не опасаясь тамошнего гарнизона. С началом войны под ударом вновь оказалось мирное, и так весьма немногочисленное, население Правобережной Украины, разорялись деревни, паеки, жители и скот угонялись, прекращалась торговля.

Собрав достаточное войско, С. Куницкий где-то в конце октября — начале ноября выступил в направлении Бара и Меджибожа. Однако взять эти крепости без наличия артиллерии было невозможно, и казацкое войско, ограничившись разорением посадок (мяста), двинулось вдоль восточного берега Днестра, заняв по пути Могилев (ныне Могилев-Подольский), Ямполь, и вскоре достигло Сороки. Здесь казаки переправились через Днестр и выступили в направлении Кишинёва, безжалостно уничтожая по дороге поселения татар-липков. Под Кишиневом в первой половине ноября к войску С. Куницкого присоединились молдавские отряды, и на произошедшей раде казаки постановили ударить на Тигину (или Тягинь — совр. Бендеры), Белгород и Килию. Однако, после

полученных известий о возвращении из Венгрии татарского войска, решено было выступить ему навстречу. С. Куницкий все же сначала двинулся с войском на Тигину, выслав несколько тысяч конницы на Буджак. Казацкие войска беспощадно уничтожали поселения буджакских татар, которые оказались практически беззащитными по причине того, что почти все татарские войска по требованию султана выступили в поход в Венгрию. После неудачной осады Тигины войска С. Куницкого соединились и 5 декабря нанесли сокрушительное поражение части татарских сил, возвращавшихся из Венгрии в районе Кицкан. В сражении погиб хан буджакской орды Али-Гирей. В то же время в Яссы при поддержке молдавских и польских отрядов вступил Стефан Петричейку. Ранее он был молдавским господарем, но изгнанный турками, нашел убежище в Польше.

После победы над татарами войска С. Куницкого продолжило разорение Буджака, были опустошены Килия и Измаил, однако Белгород и Тигину молдавско-казацким отрядам взять так и не удалось. Казацкий гетман строил планы разгрома возвращающихся с Венгрии татар, но крымский хан Хаджи-Гирей смог упредить противника. 30 декабря казацко-молдавский лагерь был атакован турецко-татарскими войсками при семи орудиях недалеко от местности Тобак, находившейся к северо-востоку от Рени (городок в устье Прута). Организовав укрепленный лагерь, войска С. Куницкого стало отступать в направлении Ясс. Заподозрив молдавское войска в намерении покинуть казаков, он приказал их кавалерии спешиться. Однако это не помогло. В ночь с 3 на 4 января лагерь покинули молдавские отряды, а затем, при переправе через Прут, и сам С. Куницкий во главе конных отрядов. Оставшимся пешим казакам, избравшим нового предводителя — Андрея Могилу, удалось отбиться от татар с большими потерями. Многие из казаков утонули при переправе через Прут по некрепкому льду, другие, попрятавшиеся в прибрежных камышах, попали в плен к татарам⁸¹. Несколько по иному развивались события согласно рассказам левобережных казаков Б. Лазарева и бориспольского сотника Микулая, участвовавших в походе С. Куницкого. Микулай соединился с войсками С. Куницкого в Рождественский (Фи-

липпов) пост, после победы его войска под Кицканами. 16 (6) декабря казацкие войска осадили Тигину. Сильный дождь помешал действиям казаков, а после известий от сбежавшего из крепости «волошенина», что «не мочно самого города взять», они двинулись на Белгород и Измаил. За пять верст до последнего «встретили его татары на трояни валу которой зоветца великий вал⁸². Сын ханской с ордами в пяток перед Рождеством хрестовым найде на него також и в субботу бились а Куницкой к реке Пруту уходил боронясь и в неделю в селе Троянове бились чрез день тогож дня турки с пушками пришли, в понедельник рано уходя Куницкий вверх реки Прута к Сороче боронился, а орда волно его пустила, а потом со всех сторон чрез день осаживали ево так что одва устоялся в день рождества христова (25 декабря 1683 г. (4 января 1684 г.). — *Авт.*) тайно ушел от своих оставив их и волохи також особо и все неведомо где делись», — рассказывал Микулай. По его словам, в составе войск правобережного гетмана были четыре польских хоругви. Отряд казаков, в который входил Б. Лазарев, пополнившись в Немирове ватагой в 500 человек под руководством неких Репешки и Романа, догнал войско С. Куницкого под Тигиной. Описания Лазаревым действий гетмана в целом совпадают с рассказом Микулая; по его словам, решающее столкновение с татарами произошло также недалеко от Измаила (Измайлова), к которому казаки двинулись, узнав о готовности к обороне укреплений Белгорода⁸³. Согласно этим показаниям очевидцев, успехи С. Куницкого были более скромными, его отрядам не удалось взять Килию и Измаил, как об этом писали Я. Виммер и Т. В. Чухлиб, основываясь на сообщениях турецких хроник⁸⁴. Польские источники, которыми пользовался Т. Урбанський, также не сообщают о взятии этих городов⁸⁵.

Итогом поражения С. Куницкого стала потеря Молдавии. А. Потоцкий не смог оказать С. Петричейку достаточной помощи, и в апреле 1684 г. тот вместе с немногочисленными польско-молдавскими отрядами отступил на территорию Речи Посполитой. Татары, преследуя отступавших, вторглись в Подолию, их «загоны» доходили до Теробовли⁸⁶.

В историографии существуют разногласия по поводу численности казацко-молдавских войск. Сам С. Куницкий хвастливо заявлял, что под его командой находится 30 и более тыс. человек. Т. Урбаньский оценивал численность войск гетмана в 20 тыс.⁸⁷, а Я. Виммер, говоря о сражении под Тобаком, предполагает, что казацко-молдавская армия по численности не уступала турецко-татарской, которая насчитывала около 10 тыс. татар и несколько сотен турок⁸⁸. С. Величко писал о 8-тыс. казацком войске, «конном и пешем»⁸⁹. По сообщению современника, господаря С. Петричейку, прибывшие в Яссы после поражения казаки С. Куницкого сообщили что «wszystkiego wojska kozackiego nad pięć tysięcy nie było, a przedtym Jmc (С. Куницкий. — *Авт.*) po kilka kroć razy częstemi nas assekurował listami że liczne ma wojska po czterdzieści tysięcy i więcej»⁹⁰. Учитывая пристрастность С. Петричейку, у которого отношения с казачьим гетманом складывались не лучшим образом, все же думается, что вряд ли казацкое войско насчитывало более 10 тыс. человек, да и то, видимо, лишь в декабре 1683 г. вместе с молдавскими отрядами, а в остальное время насчитывало не более 6–7 тыс.⁹¹

Т. В. Чухлиб предлагает совершенно иную хронологию действий С. Куницкого и новые оценки молдавской кампании казаков. Так, он утверждает, что С. Куницкий осуществил два похода. В ходе первого, в конце лета (!) его отряды заняли Немиров, в сентябре, насчитывая 5–6 тыс. человек, выступили в Молдавию, где 13 сентября на берегах (!?) Тегины произошла казацкая рада. Часть отрядов Куницкий выслал на Буджак, оставшись с остальным войском под Бендерами. В конце октября его войско вернулось в Немиров. В ноябре войско гетмана выступило в новый поход в Молдавию и на Буджак. «Эта военная кампания гетмана С. Куницкого получила большую огласку в европейских странах и вошла в анналы мировой истории. Данный поход происходил в русле политики христианских монархов Европы по противодействию экспансионистским намерениям Османской империи», — резюмирует украинский историк⁹².

Однако реальность описанного Т. В. Чухлибом первого похода С. Куницкого, произошедшего будто бы в конце августа —

октябре, вызывает сомнения. Он пишет о нем на основе документов, главные из которых, по его утверждению, находятся в составе рукописей Библиотеки Чарторийских (Краков) и Библиотеки Польской академии наук (Краков). Сразу отметим, что письмо С. Куницкого С. Друшкевичу, где первый сообщает о своих попытках захватить Бар и Меджибож, копия которого находится в составе рукописи № 1855 (K. 225 v.) библиотеки Польской академии наук в Кракове и на которое ссылается автор⁹³, не датировано, но находится среди ноябрьских «новин». Что касается использованных Т. В. Чухлибом, «писем, переведенных с валашского языка...» от 6 октября 1683 г.⁹⁴, то в них лишь упоминается о том, что казаки изгнали из Немирова Я. Драгинича, причем весьма кратко: «przyszły kozacy od Dniepru do Niemirowa, zbuntowali niemirowskich kozaków, chcąc niemirowskiego zabić hetmana, aż uszedł za Dniestr do Soroki miasta wołoskiego»⁹⁵, событие это в самом письме не датировано. Далее историк произвольно переносит раду, произошедшую где-то в начале ноября (в письме А. Потоцкому от 13 ноября С. Куницкий сообщил ему об этом)⁹⁶, на 13 сентября⁹⁷. Так же произвольно автор переносит дату письма С. Куницкого с уведомлением о передвижениях его войск с 24 ноября на 24 сентября, причем здесь Т. В. Чухлиб ошибочно назвал адресатом письма Яна Собеского и неправильно указал страницу, где находится использованный им источник⁹⁸. Не выдерживает критики и утверждение украинского историка о получении С. Куницким от короля (!) денег, пороха, пушек (их Куницкий вообще не получал), пуль и олова после возвращения в Немиров из первого похода в конце октября⁹⁹. В одном из источников, на который ссылается Т. В. Чухлиб, об этом вообще не говорится¹⁰⁰. Упоминание об этом факте действительно содержится в другом источнике, используемом историком, а именно в копии письма Яна Собеского С. Куницкому, находящейся в составе рукописи библиотеки Оссолинских во Вроцлаве. Письмо не имеет точной даты (обозначен лишь год — 1683). Однако написано оно уже после возвращения Яна Собеского с похода под Вену домой, в Польшу, т. е., самое раннее, в конце декабря (письмо написано в Кракове, куда польский король въехал 23 декабря¹⁰¹). «Nie może nam być nic milszego,

jako gdy sami z nieprzyjaciela Krzyża Świętego powrociwszy zwycięstw, odbieramy tu z domu z listu Wierności Waszej szczęśliwie przeciwko temu nieprzyjacielowi Wojska naszego zaporoskiego progressy dodaie», — писал польский король¹⁰².

Как видим, единственным, причем достаточно лаконичным свидетельством о том, что военные действия в августе-сентябре велись казаками С. Куницкого, являются «письма, переведенные с валашского языка». Я. Виммер, который так же использовал в своей работе Теки Науршевича, предполагает, что «письма...» происходят вероятно с 6 ноября¹⁰³, тогда же как Т. В. Чухлиб оставляет этот факт без комментариев. В «письмах...», помимо известия о захвате казаками Немирова, также содержатся новости об отступлении везира с войсками под Буду, осаде войсками А. Потоцкого Язловца и взятии польскими войсками некой крепости «Szczetyń», находящейся в 5 милях от Буды (Эстергом или Сечень?)¹⁰⁴. Язловец, как уже говорилось выше, осаждался А. Потоцким в первых числах ноября. Эстергом был взят 27 октября, Сечень — 10 ноября. Данный источник (о чем свидетельствует и название) является компиляцией нескольких «новин», причем довольно сумбурной, и не может быть основанием для датировки указанных в нем событий.

Характерно, что другой подобный, не менее сумбурный источник вообще приписывает захват Немирова деятельности белоцерковского коменданта О. Раппе: «Jmś Pan Pułkownik Rapp komendant białocerkiewski który... werbował kozaków mając ich tysiąc udał się ku Niemirowi gdy zaraz stamtąd hetman od hospodara wołoskiego nastawiony uszedł. On opanował Niemirów, i tak znalazł w nim niezmierny dostatek zboż, miodów i win». Данные «новин», датированные 12 октября, охватывают, как это следует из текста, и события конца октября¹⁰⁵.

Данные подобных источников — «новин», «рукописных газет» — того, что в России называлось «вестовыми письмами», часто страдают неточностью и неполнотой, а то и содержат совсем ошибочные сведения. Так, например, «Новины из Львова» от 8 октября утверждали, что турки вывели гарнизоны из Бара и Меджибожа, отдав ключи местным жителям¹⁰⁶. Я. Виммер, пользуясь информацией некоего «Письма из Кракова» от 1 января 1684 г.,

утверждает, что турки вывели гарнизоны из этих городов к концу 1683 г.¹⁰⁷ Однако и то и другое, как доказал Д. Колодзейчик, было всего лишь ходившими по Украине слухами. В действительности турецкие гарнизоны из Бара и Меджибожа были выведены только весной 1686 г.¹⁰⁸ Примеры подобной неточности «новин» и «вестовых писем» можно привести и еще. Поэтому необходимо критически оценивать содержащуюся в подобных «письмах», «ведомостях» и «донесениях» информацию.

Таким образом, первый поход С. Куницкого является не реальным событием, а, в лучшем случае, результатом небрежного обращения Т. В. Чухлиба с источниками, в худшем — авторского вымысла. В указанной статье присутствуют и другие неточности и ошибочные утверждения. Так, Т. В. Чухлиб ошибочно датирует получение С. Куницким гетманской печати летом 1683 г.¹⁰⁹ На самом деле, в своем письме, датированном приблизительно ноябрем — декабрем 1683 г., Ян III писал С. Куницкому, что приказал изготовить для него печать «z Herbem starożytnym Ukrainy». Польский король обещал отослать ее гетману сразу, как только она будет готова¹¹⁰. Войцех Монкольский, который как утверждает Т. В. Чухлиб, привез С. Куницкому печать¹¹¹, на самом деле был послан к казакам вместе со Станиславом Порадовским лишь в конце мая 1684 г.¹¹² Других данных о поездках В. Монкольского к казакам пока не обнаружено. Более вероятно, что печать была выслана С. Куницкому во второй половине января вместе с суммой 100 тыс. злотых, а также сукнами, соболями и атласами¹¹³. Все это С. Куницкий получил, видимо, в феврале, находясь в Немирове, т. к. из Ясс он выехал уже 10 января¹¹⁴. Вскоре после этого, видимо, в конце февраля — начале марта, С. Куницкий был убит казаками¹¹⁵.

Т. В. Чухлиб также утверждает, что в захваченном Кишиневе молдавское войско вместе с женщинами и детьми в количестве 30 тыс. человек, на площади принесло присягу польскому королю и Войску Запорожскому. На основе этого он делает вывод, что «данная присяга свидетельствовала о желании некоторой части молдавского народа отказаться от турецкого протектората и *перейти под верховенство польского короля и украинского гетма-*

на»¹¹⁶. В действительности никаких предпосылок к такому выводу нет. Автор просто неправильно понял цитируемый им источник, к тому же, оборвав его цитирование на середине, умышленно или нет исказил его смысл. Речь идет об известном письме С. Куницкого А. Потоцкому от 7 декабря 1683 г. Мы воспользуемся, однако, не той его копией, которую использовал украинский историк¹¹⁷, а другой, более, на наш взгляд, понятной. «Dobrześmy... gościli z Orda, ani się potrzeba obawiać, aby miała wpaść do Polskiej i na Ukrainę, gdyż ia w ich ziemi zostaje, ...kiedy w Nachaiu około Budziaka temu Nieprzyjacielowi mocno skszydła obciawszy, położyło się go na placu różnej płci z dziećmi i z żonami rachując na trzykroć sto tysięcy [по другой версии 30 тыс. чел.], — хвастливо писал С. Куницкий, — Wojsko Wołoskie w Kaszeniowie wykonało Jurament po służbie Bożej JKМ у Rzczptej, i nam Wojsku Króla Jm Zaporoskiemu, jako też zaporoskie i Dunajskie [в другой версии Duńskie, т. е. Донское] Wołochom też przysięgę wykonało [курсив мой — Авт.]...»¹¹⁸. Как видно, речь идет не о принятии С. Куницким присяги населения Молдавии, а о присяге примкнувших к казацкому войску молдавских отрядов королю и Речи Посполитой и о взаимной присяге казаков и молдаван, официально скрепившей их намерение действовать совместно против турецко-татарских войск. Женщины и дети и вовсе никакой присяги не приносили, здесь речь идет о жертвах избиения казаками поселений буджацких и липских татар. Ян III в своем письме польско-литовским комиссарам, назначенным на переговоры с Россией в Андрусове, расценивал произошедшее именно как присягу молдавского войска, принесенную ему через посредство гетмана. «Dopomogło tej wiktoriej [т. е. победе над татарами в начале декабря] i wojsko wołoskie, które poprzysięszy nam wiare przed Hetmanem... spólnie nieprzyjaciela gromiło», — писал он¹¹⁹. Думается, нет оснований расценивать это событие, как переход Молдавии под польско-украинский протекторат.

По иному, в отличие от польских историков Я. Виммера и Я. Пердени, оценивает Т. В. Чухлиб результаты военных походов С. Куницкого (которых, как он утверждает, было два). Соотнося первый поход (которого в действительности не было) со временем сражений польско-немецких войск под Веной и Эстергомом, он

делает вывод, что казачество сыграло важную роль в успехах союзников в ходе военных действий в сентябре — октябре. Заключение это представляется совершенно безосновательным. Утверждение украинского историка касательно ноябрьско-декабрьского похода С. Куницкого, что «казацкие силы должны были сдерживать турок, пока польская армия завершала послевоенскую операцию по вытеснению турок из восточноевропейского региона [?!]», также сомнительно хотя бы потому, что и польские, и немецкие войска в это время уже находились на зимних квартирах.

По мнению украинского историка, о значении молдавского похода убедительно свидетельствует та огласка, которую он получил в польских и европейских рукописных и печатных периодических изданиях. Тезис о значительной популярности действий казаков в Западной Европе в условиях всеобщего подъема и воодушевления после Венской победы беспорен. Во всех христианских странах с радостью внимали любым вестям, связанным с новыми поражениями турок и татар. По свидетельству М. Вагнера, проанализировавшего так называемые печатные польские и иностранные «gazety ulotne» за период 1684–1699 гг., ранее обработанные К. Завадским, больше всего места в них было посвящено действиям казацких и польских отрядов С. Куницкого в Подолии и Молдавии в 1683–1684 гг., и даже гораздо меньше внимания было уделено действиям войск польского короля над Днестром. «Подвиги» казацко-молдавских войск описывали многочисленные итальянские (венцианские, римские, неаполитанские и др.) и немецкие газеты. Основой для них служили письма самого С. Куницкого к С. Друшкевичу, А. Потоцкому и Яну III¹²⁰. Эти письма составляли основу и польских рукописных новин и газет. Популяризации молдавского похода активно способствовал Ян III, по инициативе которого, видимо, в начале 1684 г. в Кракове были изданы «Новины» о молдавских событиях¹²¹. После декабрьской победы С. Куницкого он писал императору и папе, сообщая об удачном походе казаков и захвате Молдавии¹²². Однако неправильно бы было подменять действительный результат молдавской кампании 1683 г. тем пропагандистским эффектом, который она вызвала в Европе, как это делает Т. В. Чухлиб.

Действительное отношение польского короля к действиям С. Куницкого видно из его переписки с ним, а так же с С. Петричейку и А. Потоцким. Где-то в середине декабря, незадолго до рокового столкновения под Тобаком, Ян III писал С. Куницкому, призывая его к осторожности ввиду приближения основных татарских сил, идущих из Венгрии. «Teraz gdy nas dochodzą przestrogi że się tam Ordy zbierają priwatnie upominamy i pilnie żądamy abyś przy wszelkiej ostrożności zostawał ani się za Dunaj skwapliwie porywał. Dosyć będzie do ukontentowania naszego... kiedy zburzywszy Budziaki i Białygorod nie dasz się wyprzeć z Wołoch nieprzyjacielowi i nie pozwolisz pociechy Hanowi i Duce Hospodarowi abyście im najmniejszego mieli ustąpić kroku. Prawda że tam fortec i zamków nie masz, ale dobre i monastery z których się może bronić tak odważnie jako z najlepszej fortecy. Mamy tego dowód przypominamy i nie zbyt dawny przykład, że kiedy nasi osiedli byle stolice (т. е. Москву. — *Авт.*) i one przez lat kilka trzymali. Moskwa w samych monasteryach broniła się i wytrzymała i zkąd tedy przy herbach swoich monastery kładą. Nie wątpimy, że i dzielność odważna wojska naszego rycerskiego potrafi i wystarczy więcej niż dane przykłady nas informować mogą byle się w zaczętych statecznie nie chciało trzymać successach»¹²³. После получения известия о разгроме молдавско-казацких войск С. Куницкого и его бегстве встревоженный Ян Собеский писал С. Петричейку, что он был против дальнейших походов С. Куницкого, что выступление его войска к Дунаю произошло против воли польского короля. Ян III убеждал С. Петричейку не оставлять Яссы, обещая, что казаки вскоре организуют новые отряды, тем более что им послано 100 тыс. злотых и сукна¹²⁴. Узнав о поражении казацкого гетмана, Ян Собеский писал А. Потоцкому, что вполне прогнозировал такой исход событий, в случае, если С. Куницкий вместо обороны Молдавии будет дальше продолжать разорение Буджака. Одновременно польский король надеялся, что казаки не понесли ощутимые потери, укрывшись от татар на поросших тростником и лесами берегах Прута¹²⁵. Ян III направил письмо и самому гетману, упрекая его что он не послушал королевского распоряжения. «Daliśmy byli do U[przejmości] T[wojej] ordynans, ażebyś się nie

puszczał w dalsze nieprzyjacielskie kraje ale raczej kontentował pomoc pomienionemu gospodarowi i nie dać się wyprzeć z Wołoch i Multian usiłowaniu nieprzyjacielskiemu, co gdy by się to stało pewnie by to do takiej nie przyszło confuzijej». Ян Собеский убеждал С. Куницкого идти на соединение с С. Петричейку, вновь напоминая ему о высланных деньгах и сукнах¹²⁶.

Как видно, Ян Собеский прекрасно понимал, что казацкое войско не выдержит натиска основных татарских сил. Он настаивал на сохранении уже захваченной территории Молдавии путем размещения казацких гарнизонов в имеющихся крепостях и в укрепленных монастырях. Интересно, что в качестве примера польский король привел события 70-летней давности, связанные с интервенцией польских войск в Россию в так называемое Смутное время. Героическую оборону русских монастырей в Речи Посполитой помнили и спустя долгие годы.

Думается, что в конечном счете у С. Куницкого и Яна Собеского было разное понимание целей похода в Молдавию. Польский король стремился прежде всего установить над княжеством свой протекторат, тогда как С. Куницкий организовал грабительский набег, пользуясь отсутствием крупных сил Бужацкой орды. Татарские войска возвращались с Венгрии, отягощенные награбленным там добром, и не исключено, что внезапным нападением на татар при переправе через Дунай либо Прут казаки рассчитывали не только разгромить татар, но и отбить добычу. Свою роль в том, что казачий гетман избрал такую тактику, сыграла и обычная специфика казацких военных формирований — слабая дисциплина, отсутствие в достаточном количестве артиллерии, стремление к захвату добычи. Я. Виммер отмечает, что после победы под Кицканами отягощенные добычей казаки стали покидать его войско¹²⁷. С. Петричейку одну из причин поражения С. Куницкого видел в том, что часть его войска разбрелась по окрестным селам «не тако для корму яко для непослушания»¹²⁸. Во время молдавской кампании часть казаков во главе с неким Сулимкой перешла на сторону турок, заняв местечко Сартолык (Satorlik)¹²⁹. Не стоит, однако, винить во всем С. Куницкого, который в своих письмах С. Друшкевичу неоднократно просил о присылке ему пороху, оло-

ва, пушек, а также драгун в подкрепление¹³⁰. Ян Собеский должен был понимать, что одних казацких войск, при очень слабой поддержке молдавских и польских отрядов, при отсутствии артиллерии будет недостаточно для удержания Молдавии. Рекомендации Яна Собеского С. Куницкому — это попытка утопающего схватиться за соломинку. «Казаки без артиллерии не могли сделать больше, чем они сделали, — опустошить беззащитные татарские поселения и разбить первый высланный против них отряд противника», — справедливо писал Я. Виммер¹³¹.

Стоит отметить, что разорение казаками Буджака произвело сильное впечатление на Батурина. Под влиянием побед С. Куницкого И. Самойлович в присланном в январе 1684 г. письме в Москву предлагал немедленно ударить на Крым объединенными русско-украинскими силами, пользуясь тем, что «ныне крымская страна в небытии ханов <...> обретается малолюдна». «Возможно бы <...> выборную часть российских войск, с надежными войска запорожского полками отпустив <...> в конец Крым разорить ибо естли оный беглец Куницкий который от нас к полякам а от поляков к волохам передался <...>, прибрав себе с разных стран самовольных беглецов и волошан неимуци никаких пушечных снарядов учинил в Бучаке таков страх что и в Крым прославилося то...», — считал гетман¹³². В Москве, однако, несмотря на благоприятную возможность, сочли такие действия несвоевременными. Более того, предполагая, что следующим объектом нападения С. Куницкого будет Крымский полуостров, гетману предписывалось принять меры, чтобы не допустить участия в этом походе левобережных городских казаков и сечевиков¹³³.

Для борьбы с побегами на Правобережье еще в конце осени в Золотоношу был направлен доверенный человек И. Самойловича — Иван Лисица. Он разослал по всем городкам переяславского полка казацкие заставы. Л. Полуботок, в свою очередь, действовал уговорами и рассылал по Правобережью посланцев «призывать» беглецов возвращаться домой. Украинский гетман вовсе не собирался применять обещанные им ранее всем бежавшим смертную казнь и конфискацию имущества. «Я на казаков оных за их непостоянство и самоволство яко они через заказ мой на оные зазывы

<...> бегали зело досадуя, поволит есмь посланным от меня войсковым людям в домах их стоять и кормы брать», — сообщал он в Москву. Возвратившихся в январе беглецов И. Лисица распустил по домам, кроме уже упоминавшихся Ерохи и Тарана, которые жаловались, что пошли на Правый берег от «нужды» и «изгону полковников». И. Лисица допытывался, нет ли у них с собой польских «прелестных писем». И. Самойлович велел их отослать в Батуриин «для наказания», однако и в этом случае его одолевали сомнения. «Мнитца мне яко неподобает того самовольного дела оставити им без наказания что б вперед <...> и прочие не дерзали на такое самовольство», — запрашивал он русское правительство¹³⁴. Но из Москвы гетману не прислали конкретных указаний, лишь похвалив за меры, принятые для воспрепятствования побегам¹³⁵. Ранее гетман выражал решимость отправлять пойманных беглецов в Москву для ссылки в Сибирь¹³⁶. Однако примеров подобного наказания мы не знаем и, скорее всего, эти угрозы остались неосуществленными.

В ноябре 1683 г. московское правительство решило принять меры по пресечению побегов из слободских полков. Курскому воеводе Алексею Семеновичу Шеину был направлен указ организовать смотр этих полков. Бежавшим из них казакам также угрожала смертная казнь и конфискация имущества. В декабре полковниками в присутствии направленных Шеиным из Курска приказных были проведены смотры, на которых казакам был объявлен царский указ. Однако в Сумском, Ахтырском и Острогожском слободских полках казаки оказались «по спискам все на лицо». При смотре Харьковского полка отсутствующими оказались двое казаков — за Днепр ушли Степан Староборский и Петр Федоров. Семьи их по царскому указу было велено держать за крепким караулом, «покамест мужья их объявятся». Возможно, что число побегов было большим, но полковники скрывали эти факты, опасаясь царской опалы¹³⁷.

Кроме военного аспекта, казацкое движение 1683 — начала 1684 гг. имело и другой аспект — политический, в исторической перспективе более важный. Как совершенно справедливо заметил Г. Я. Сергиенко, назначение гетмана означало юридическое при-

знание польским правительством существования казачества на Правобережье¹³⁸. Поощряя создание казацкого войска, польское правительство одновременно старалось поставить его под свой контроль. Король назначил специального комиссара по казацким делам, «наказные листы» на вербовку полков получала главным образом шляхта, активно использовавшая сформированные полки не столько для борьбы с турками и татарами, сколько для выяснения отношений с соседями и давними врагами¹³⁹. Однако ситуация развивалась не так, как желал Ян Собеский. В январе к нему были направлены казацкие послы — генеральный писарь Пяйковский и полковник Раецкий. Помимо просьбы выплаты войску жалования, присылки орудий и подкреплений, посольство должно было передать королю требования назначения киевского митрополита, а также выделения земли под поселение казаков, а фактически — закрепление за ними уже занятых земель и местечек, и в частности Белоцерковского староства. Ответное послание Яна III не особенно удовлетворяло пожелания казаков. Король писал, что назначение киевского митрополита необходимо отложить, поскольку Киев до сих пор находится в «чужих руках». Вопрос о его возвращении сейчас решается на русско-польской Андрусовской комиссии. Польский король прекрасно понимал значение Киева и киевской митрополии для всех украинских земель, как и то, что подчинение митрополита московской власти ослабит позиции Речи Посполитой на украинских землях. Митрополитом киевским должен быть только «гражданин Короны», считал Ян III. Он выражал опасения, чтобы казаки сами не выбрали митрополита, без согласия «станов духовных и светских». Наиболее острым был вопрос расселения казаков на Украине. Сообщая, что им разосланы универсалы с запрещением препятствовать казакам селиться на Украине, Собеский одновременно уведомлял Войско, что окончательно вопрос об Украине отложен до сейма. Призывая казачество «счастливо хозяйствовать» на украинских землях, он в то же время отказывался передать Войску земли вокруг Белой Церкви, поскольку это было бы нарушением прав белоцерковского староства и белоцерковской шляхты. Казакам предлагалось селиться в месте, удобном для сношения с Запорожьем (имелись ввиду пус-

тые земли в низовьях Днепра). Белая Церковь в этом случае была непригодна, поскольку, по мнению Яна Собеского, находилась ближе к Литве, нежели к Запорожью¹⁴⁰. Рада Сената 26 марта приняла решение не передавать казакам немировский замок, в котором должен был стоять польский гарнизон из 80 солдат. Казакам решено было для «отдыха и хозяйства» предоставить только «място». Тогда же сенаторы обсуждали распределение некоторых полковнических должностей. Немировским полковником было решено утвердить Зарудного. На «уряд» полковника брацлавского претендовал кто-то из рода Апостолов. Сенаторы предоставили окончательное решение по его утверждению королю, напомнив при этом, что «*nie wszyscy Apostołowie dotrzymywali wiary*»¹⁴¹. С начала наказного гетманства С. Куницкого — это первое упоминание о попытках организации административно-территориальной структуры правобережного казачества.

Как видно, ни одно из политических требований казачества выполнено не было. Последствия этого не заставили себя ждать. Летом 1684 г. полковник Мирон Лукейчик, не отметившийся, кстати, в кампании 1683 — начала 1684 гг., распространял «универсалы», где утверждалось, что король отдал казаком все земли Правобережной Украины по реку Случь, разрешая выгнать оттуда шляхту. Он призывал посполитых не подчиняться шляхте и записываться в казаки. С. Друшкевич специальным универсалом вынужден был опровергать ложность подобных слухов, приказывая арестовывать посланцев строптивного полковника и сажать их на кол в назидание другим. Одновременно в универсале комиссара по казацким делам отмечалось, что казакам отданы для поселения земли с Корсунем, Черкасами, Чигирным, Лисянкой, Уманем, где не было шляхетских имений¹⁴². По Журавненскому миру между Речью Посполитой и Портой эти земли остались за османами, а по Бахчисарайскому договору 1681 г. Османской империи и России их было решено не заселять (в нарушение договора их заселял Г. Дука). Тем не менее, замаячивший призрак Хмельниччины материализовался в конце 1680-х гг. в повстанческое движение фастовского полковника Семена Палия.

Что касается масштабов казацкой колонизации Правобережной Украины во второй половине 1683 — начале 1684 гг., т. е. в период «гетманства» С. Куницкого, то она именно в это время была, вопреки утверждениям Н. И. Костомарова, В. В. Волк-Карачевского¹⁴³, а вслед за ними — Т. В. Чухлиба¹⁴⁴, достаточно незначительна. Начавшаяся война, татарские набеги свели на нет и те небольшие успехи по колонизации запустелого края переселенцами (не обязательно казаками!) с Левобережья, зазывавшимися еще Г. Дукой. Война, татарские набеги, грабежи казацких отрядов, очевидно, не способствовали развитию сельского хозяйства, торговли и промыслов на Правобережье.

Начало польско-австро-турецкой войны в 1683 г. дало мощный импульс к активизации казацкого движения на Правобережной Украине. В значительной мере этому способствовала политика Яна Собеского, считавшего казаков незаменимыми в проведении разведки, диверсий, при штурме и осаде укреплений. Думается, что фактическое количество сформированных казацких полков «Войска Запорожского Его Королевского величества и Речи Посполитой» в 1683 — начале 1684 гг., по крайней мере, раза в два превышало число указанных в польских реестрах. Первоначально вербовка казаков для участия в войне против турок и татар наталкивалась на различные препятствия. Кроме отмечавшихся в историографии османских угроз и опасений самих казаков остаться без жалования, важное значение тут имела позиция московского правительства и левобережного гетмана И. Самойловича. Ведя с русским правительством переговоры о союзе и рассчитывая добиться официального согласия на участие в войне казаков с Левобережья (их многочисленность не шла ни в какое сравнение с казацкими формированиями, расквартированными в Киевском Полесье), Ян Собеский не решился ни на издание официальных универсалов к населению Левобережной Украины, ни на посылку официальных гонцов в Запорожскую Сечь в 1683 г. Однако русское правительство, по-прежнему имея свои виды на Правобережную Украину, не желало способствовать усилению там польских позиций. Это полностью отвечало и намерениям И. Самойловича, противодействовавшего появлению «конкурентов» на Правобережье (напом-

ним, что в официальной дипломатической практике России И. Самойлович именовался гетманом на обеих сторонах Днепра после сложения с себя гетманства П. Д. Дорошенко в 1676 г.). Официальный отказ русского правительства разрешить казакам участвовать в начавшейся войне И. Самойлович подкрепил высланными к Днепру сторожевыми отрядами. Показательна в этом случае и позиция Запорожья, зависевшего от поставок оружия и продовольствия из Москвы и Батурина. Сечевая старшина, получив «царское жалованье», не спешила с участием в «священной войне» даже после победы под Веной.

Конечно же, никакие запреты не могли помешать казакам участвовать в борьбе с турками и татарами, и никаких загонов не хватило бы, чтобы воспрепятствовать их переходу на Правобережье и набегам на Крым. Это признавалось и на официальном уровне в Москве. Тем не менее, вышеперечисленные факторы способствовали тому, что к выходу Яна Собеского из Кракова казачьи полки сформированы не были, а действия казачьих отрядов в Подолии носили разрозненный характер. Никакого похода крупных казачьих сил в августе — сентябре 1683 г., о котором пишет Т. В. Чухлиб, не было. И хотя казачьи отряды, участвовавшие в походе под Вену, были настолько немногочисленны, что даже тактическое значение их было невелико, тем не менее в свидетельствах современников — от разнообразных рукописных и печатных «газет» до известных мемуаров Я. Паска — сохранились яркие примеры ловкости, бесстрашия и воинского мастерства запорожцев.

Новый толчок к увеличению активности казачества дала победа союзников под Веной. Организовав значительное казачье войско, гетман С. Куницкий при участии молдавских отрядов учинил дерзкий набег на земли Буджацкой орды. Ян Собеский всячески способствовал пропаганде успехов казачьих-молдавских войск. Он рассчитывал, что утверждение в Молдавии вассального Речи Посполитой С. Петричейку при поддержке отрядов С. Куницкого укрепит в глазах Европы, и особенно Габсбургов, его права на Молдавию. Однако С. Куницкий спутал эти планы польского короля. Вдохновленный легкой победой, он продолжил разграбле-

ние Буджака. Гетман и его казаки надеялись поживиться и той добычей, которую везли из Венгрии татары. Сидение в Молдавских крепостях и монастырях не обещало большой прибыли, зато грозило трудной зимовкой в условиях татарских набегов. С другой стороны, молдавская кампания С. Куницкого вскрыла и недостатки военной организации Речи Посполитой — отсутствие боеспособной пехоты и артиллерии, которая могла бы закрепить успехи казацкого похода.

Источники, хотя частью и пристрастные, тем не менее, дают немало свидетельств негативной оценки личных качеств С. Куницкого. Среди казаков, высоко ценивших воинскую доблесть и удаль, несомненно, не могло встретить понимания его бегство с берегов Прута, даже если оно было обосновано какими-то политическими соображениями. Однако, несмотря на полный провал молдавского похода, события осени 1683–1684 гг. сыграли важную роль для оформления политической программы правобережного казачества. Думается, нет оснований утверждать, что за время «гетманства» С. Куницкого казацкое устройство на Правобережье было восстановлено в полном объеме. Сведения о начале создания казацких полков как административно-территориальных единиц относятся только к концу марта 1684 г., уже после его смерти. В то же время к началу 1684 г. казацкое движение явно начало выходить из отведенных ему польским правительством исключительно военных рамок.

Попытки возрождения Речью Посполитой казачества на Правобережье, вызванные военной необходимостью, практически сразу же обнаружили старые непримиримые противоречия между казачеством и шляхтой, а шире — между поляками и украинцами. Невозможность их преодоления в рамках существовавших в Речи Посполитой политических порядков и традиций в конечном итоге и привела к окончательной ликвидации казачества на Правобережье в начале XVIII века.

- ¹Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. — Т. 2. — К., 1851. — С. 548–549; Летопись событий в Южной Руси львовского каноника Яна Юзефовича // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. — К., 1888. — С. 206–208.
- ²Волк-Карачевский В. В. Борьба Польши с казачеством во 2-й половине XVII и начале XVIII вв. — К., 1899. — С. 247–249.
- ³Антонович В. Содержание актов о козаках на правой стороне Днепра. 1679–1716 гг. // Архив Юго-Западной России (далее — Архив ЮЗР). — Ч. 3. Акты о козаках. — Т. 2 (1679–1716). — К., 1868. — [Отд. I]. — С. 33–38.
- ⁴Костомаров Н. И. Руина. — М., 1995. — С. 371–373.
- ⁵Urbański T. Rok 1683 na Podolu, Ukrainie i w Moldawii. — Lwów, 1907. Известна также работа польского историка Равиты-Гавроньского: Rawiła-Gawroński F. Udział Kozaków w odsieczu Wiednia // Rok Polski. — № 2. — Krakow, 1916. Однако она оказалась нам недоступна.
- ⁶Wimmer J. Wiedeń 1683 r. Dzieje kampanii i bitwy. — Warszawa, 1983. — S. 401–416.
- ⁷Wagner M. Stefan Kunicki, hetman kozacki na Prawobrzeżu (1683–1684) // W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego. — Siedlce, 2002. — S. 72–74; Tegoż. Stanisław Jabłonowski (1634–1720). Polityk i dowódca. — Т. 1. — Siedlce, 1997. — S. 195–196; Tegoż. Kommissarz wojsk zaporoskich // Stanisław Zygmunt Druszkiewicz. Pamiętniki 1648–1697. — Siedlce, 2001. — S. 30–32.
- ⁸Kołodziejczyk D. Ejalet Kamieniecki. Podole pod panowaniem tureckim. 1672–1699. — Warszawa, 1994. — S. 106–108.
- ⁹Perdenia J. Stanowisko Rzeczypospolitej szlacheckiej wobec sprawy Ukrainy na przełomie XVII–XVIII wieku. — Wrocław, 1963. — S. 22–24.
- ¹⁰Німчук І. Українці і відсіч Відня 1683 р. — Львів, 1933; Крупницький Б. З історії Правобережжя 1683–1688 рр. // Праці історико-філологічного товариства в Празі. — Вип. 4. — Прага, 1942; Сергієнко Г. Я. Визвольний рух на правобережній Україні в кінці XVII і на початку XVIII ст. — Київ, 1963. — С. 48–51; Назарко І. Козаки на службі у Папи Римського // Старожитності. — 1992. — № 13–15. Работы И. Нимчука, Б. Крупницкого и И. Назарко оказались нам недоступны.
- ¹¹Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. — Кишинев, 1961; Власова Л. В. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII — начале XVIII вв. — Кишинев, 1980. — С. 26–29.
- ¹²Чухліб Т. В. Чи вирішена проблема участі українських козаків у битві під Віднем 1683 року? // Українська козацька держава: витоки та шляхи історичного розвитку. Матеріали шостих всеукраїнських читань. — К.; Черкаси, 1997. — С. 84–94. Його ж. Гетьман С. Куницький у боротьбі Правобережної України та Речі Посполитої проти Османської імперії (1683–84 рр.) // Україна в Центральній Європі. — К., 2000; Його ж. Документи про фінансування козацьких полків Річчю Посполитою та Ватиканом у 80–90-х роках XVII століття // Український археографічний щорічник. Нова серія. — Вип. 7. — К.; Нью-Йорк, 2002. — С. 342–344; Його ж. Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах в 1648–1714 рр. — Вид. 2, доопрац. — К., 2005. — С. 282–285, 331–334.
- ¹³Архив ЮЗР. — Ч. 4. Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России. — Т. 1. — К., 1867. — С. 159. С. Корсунец получил шляхетство по ре-

шению коронационного сейма 1676 г. (в конституции ошибочно — Корсука) (Volumina Legum. — Т. 5. — Sankt-Petersburg, 1860 (далее — VL). — S. 202).

¹⁴ Видимо, это казацкий полковник Мирон Лукейчик, получивший шляхетство на сейме 1676 г. (VL. — S. 202).

¹⁵ Архив ЮЗР. — Ч. 3. Акты о козаках. — Т. 2 (1679–1716). — К., 1868. — [Отд. II]. — С. 8–10.

¹⁶ Там же. — С. 13–35.

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — Акты ЗР). — Т. 5. — СПб., 1853. — С. 166–168.

¹⁸ Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи... — С. 319.

¹⁹ Wimmer J. Op. cit. — S. 156, 165. У Г. Я. Сергиенко и Т. В. Чухлиба вместо Калины фигурирует Килиян (Сергієнко Г. Я. Вказ. праця. — С. 49. Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи... — С. 334).

²⁰ Российский Государственный Архив Древних Актов (далее — РГАДА). — Ф. 79. — Оп. 1, 1683 г. — Д. 5. — Л. 66.

²¹ Wimmer J. Op. cit. — S. 205–206.

²² В конституции сейма 1676 г. упомянут некий казацкий полковник Анджей Зеленецкий, получивший нобилитацию. Видимо, это одно и то же лицо (VL. — S. 202).

²³ Ibid. — S. 204, 230–232. Автор указывает количество полков 12, однако командиров их перечисляет 13. Несколько иные данные приводит Т. В. Чухлиб (Ср.: Чухліб Т. В. Чи вирішена проблема... — С. 88–89; Його ж. Гетьман С. Куницький... — С. 328–329; Його ж. Гетьмани і монархи... — С. 334). У него фигурирует также некий полковник Я. Дунин-Раецкий, о котором Я. Виммер не упоминает.

²⁴ Назарко І. Знаменне письмо козаків до Папи Римського // Український історик 1965 р. — № 1–2 (5–6). — Нью-Йорк; Мюнхен. — С. 23. См. также: Theiner A. Monuments historiques relatifs aux regnes d'Alexis Michaélowith, Fédor III et Pierre le Grand czars de Russie. — Rome, 1959. — S. 251.

²⁵ Wagner M. Kommissarz wojsk zaporoskich... — S. 30. Иначе думает Я. Виммер (См.: Op. cit. — S. 93, 165, 403).

²⁶ Известен ординанс (наказной лист) С. Яблоновского, выданный М. Булыге 16 июля. М. Булыга, набрав казацкий полк с «самопалами», должен был явиться под Львов 15 августа. Однако ординанс был вписан в овруцкие книги городские только 11 августа, что формально означало начало вербовки (Акты ЮЗР. — Ч. 3. Акты о козаках. — Т. 2 (1679–1716). — Киев, 1868. — [Отд. II]. — С. 39–40).

²⁷ Wimmer J. Op. cit. — S. 206; Urbański T. Op. cit. — S. 9–10, 27.

²⁸ Wimmer J. Ibid. — Примечание 24.

²⁹ АЗР. — Т. 5. — С. 178–179.

³⁰ Diariusz sejmu 1683 r. // Biblioteka Czaratoryjskich w Krakowie (далее — BCz). — Teki Naruszewicza (далее — TN). — Rps. 179. — S. 326.

³¹ [Awizy] w Warszawie. 19 maja 1683 r. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD); Archiwum Publiczne Potockich (далее — APP). — Rps. 162. — S. 49.

³² О них см. подробно: Коцегаров К. Początek wojny polsko-tureckiej a stosunki polsko-rosyjskie w pierwszej połowie roku 1683 // Kwartalnik Historyczny. — 2005. — N 1.

³³ РГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1, 1683 г. — Д. 10. — Л. 97–99, 170–171, 175–176.

- ³⁴Wimmer J. Op. cit. — S. 152–154, 176, 195–197, 255–261. См. также: Piwarski K. Hieronim Lubomirski, hetman wielki koronny. — Kraków, 1929. — S. 25–29.
- ³⁵List z Krakowa. 6 августа 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 585.
- ³⁶Wimmer J. Op. cit. — S. 205–206, 403; Urbański T. Op. cit. — S. 10–11, 14.
- ³⁷Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. — Т. 6: Akta do dziejów króla Jana III sprawy roku 1683, a osobliwie wyprawy wiedeńskiej wyjaśniające. — Kraków, 1883. — S. 446.
- ³⁸[Ян Собесский — Марии-Казимире]. 29 и 31 августа 1683 г. // Acta historica... — S. 320, 326–327.
- ³⁹Acta historica... — S. 361.
- ⁴⁰Wimmer J. Op. cit. — S. 235, 298. В конституции сейма 1676 г. среди казацкой старшины, получившей шляхетство, упоминается Апостол-Ясеновский (VL. — S. 202). Интересно, что о своем участии в 1683 г. в битвах под Веной и Эстергомом упомянул прилуцкий есаул М. Мовчан в челобитной на имя русской императрицы Анны Ивановны (Антонович В. Б. Прилуцкий полковой есаул М. Мовчан и его записная книга // Киевская старина. — 1885. — № 1. — С. 64–65, 72–74).
- ⁴¹Wagner M. Kommissarz wojsk zaporoskich... — S. 31–33.
- ⁴²[Ян Собесский — Марии-Казимире]. 28 сентября. // Acta historica... — S. 429.
- ⁴³Kopie listów tłumaczonych z języka wołoskiego na język polski. 6 октября 1683 г. // BCz. TN. Rps. 179. — S. 703.
- ⁴⁴Ян Гнинский — королеве Марии-Казимире. 5 октября 1683 г. // Acta historica... — S. 441.
- ⁴⁵Wimmer J. Op. cit. — S. 361 (Примечание 12), 375.
- ⁴⁶Excerpt z listu pewnego. 8 октября 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 695.
- ⁴⁷Nowiny zpod Granu. 25 октября 1683 г. // BCz. TN. Rps. 179. — S. 764.
- ⁴⁸Acta historica... — S. 475.
- ⁴⁹Wimmer J. Op. cit. — S. 390. Виммер ошибочно утверждает, что полк Вороны также прибыл в польское войско в начале ноября (Ср. Acta historica... — S. 526, 534).
- ⁵⁰Pasek J. Pamiętniki. — Wrocław etc., 1979. — S. 556–557. Историю эту Пасек записал видимо со слов своего племянника, участвовавшего в походе на Вену (Ibid. — S. 552).
- ⁵¹Wimmer J. Op. cit. — S. 391–392.
- ⁵²И. Самойлович — И. Новицкому. 5 июля 1684 г. // Акты ЗР. — Т. 5. — С. 179.
- ⁵³РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 5. — Л. 13–14, 43–45.
- ⁵⁴РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 1. — Л. 24.
- ⁵⁵Wimmer J. Op. cit. — S. 403.
- ⁵⁶РГАДА. — Ф. 124, 1684 г. — Д. 1. — Л. 24–26.
- ⁵⁷Nowiny ze Lwowa. 8 октября 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 741.
- ⁵⁸Nowiny ze Lwowa. 8 октября 1683 г... — S. 741–742; Uwiadomienia z pod Kamieńca. 17 октября 1683 г. // BCz. — TN. 179. — S. 747–748; Wimmer J. Op. cit. — S. 405. Т. Урбанський, описывая захват Чорткова и сражение под Каменцом, ни словом не упоминает об участии в них казаков (Urbański T. Op. cit. — S. 16–17).

- ⁵⁹РГАДА. — Ф. 124. Оп. 1, 1683 г. — Д. 22. — Л. 6–12. См. также: Urbański T. Op. cit. — S. 20–21.
- ⁶⁰Wimmer J. Op. cit. — S. 401–409; Urbański T. Op. cit. — S. 21.
- ⁶¹РГАДА. — Ф. 124, 1684 г. — Д. 1. — Л. 24–26.
- ⁶²[Ян Собесский — Марии-Казимире]. 20 октября 1683 г. // Acta historica... — S. 484; Wimmer J. Op. cit. — S. 406; Wagner M. Kommissarz wojsk zaporoskich... — S. 31. Известен «наказной лист» на вербовку казацкого полка, выданный С. Друшкевичем в «замке Звягельском» на Волыни шляхтичу Павлу Тышецкому 28 декабря 1683 г. 15 марта 1683 г. он был вписан в гродские книги (Архив ЮЗР. — Ч. 3. Акты о козаках. — Т. 2 (1679–1716). — К., 1868. — [Отд. II]. — С. 40–41).
- ⁶³Дополнения к актам историческим (далее — ДАИ). — Т. 11. — СПб., 1869. — С. 21–22. И. Самойлович обвинял каштеляна любачевского в посылке в Переяславский полк «прелестных писем» с призывом поступать на польскую службу. С. Друшкевич «ныне около Белой Церкви шатается и ссору всякую и прелесть в народ вмещает и ко всякой шатости приводит», — констатировалось в письме русским послам.
- ⁶⁴Listy ze Lwowa. 12 декабря 1683 г. // BCz. — TN. 179. — S. 870.
- ⁶⁵Вестовые письма из Яворова от 4 января и Львова от 1 января 1684 // РГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 2. — Л. 2, 6.
- ⁶⁶Biblioteka Ossolińskich we Wrocławiu (далее — ВО). — Teki Łukasza (далее — ТŁ). — Rps. 2999/I. — S. 171–172; Urbański T. Op. cit. — S. 21.
- ⁶⁷BCz. — Rps. 827. — S. 49–51.
- ⁶⁸Theiner A. Monuments historiques... — S. 249. Ср.: Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 320
- ⁶⁹Wimmer J. Op. cit. — S. 410–411; Urbański T. Op. cit. — S. 28–29. Т. В. Чухліб в одной из своих работ утверждает, что С. Куницький был избран гетманом на казацкой раде, что никакими источниками не подтверждается (См.: Чухліб Т. В. Документи про фінансування... — С. 342).
- ⁷⁰На сейме 1673 г. среди получивших шляхетство запорожских казаков было несколько Куницких (Купеских): Стефан, Василь, Федор, Анастас, Дмитр и Иван (VL. — S. 79). Александр среди них не упоминается.
- ⁷¹РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1683 г. — Д. 20. — Л. 12–15.
- ⁷²Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. — Т. 2. — СПб., 1895. — С. 600–601.
- ⁷³Relatia kozaków od Jmć pana pułkownika Rappi komendanta białocerkiewskiego do Siczy na Zaporozże posyłanych z doniesieniami o wiktoryi JKМści i żeby zaporożców zachęcić na usługę JKМci... i Rpj dnia 22 nowebris w Białej Cerkwi czyniona... // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 845–850. Реляция, видимо, ошибочно датирована 22 ноября, когда должно быть 22 декабря. Помимо кошевого, атаманы получили по паре соболей, войсковому судье, писарю и есаулам было выдано по 24 рубля (?), всей старшине были также розданы ткани — кармазин и китайка, для войска было привезено 120 штук сукна. Иначе оценивает посольство Т. Урбаньский (Ср.: Op. cit. — S. 21).
- ⁷⁴РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 5. — Л. 8, 48.
- ⁷⁵Там же. — Л. 37–38.
- ⁷⁶РГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 213. — Л. 514–522 об., 588–589 об.
- ⁷⁷Там же. — Л. 202 об.–206 об.

- ⁷⁸РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1683 г. — Д. 22. — Л. 1–21. И. Самойлович переслал в Москву письма Л. Полуботка от 29 ноября, 6 декабря и несколько недатированных, но относящихся к тому же времени; а также письма Г. Карповича от 30 ноября и 3 декабря. Последний в свою очередь получил информацию от киевского сотника Саввы Туптало и «киевского жителя» Родиона Греченина. Письмо самого гетмана датировано 10 декабря (все даты по ст. ст.) (Ср.: Костомаров Н. И. Руина. — М., 1995. — С. 371–372).
- ⁷⁹ДАИ. — Т. 11... — С. 18.
- ⁸⁰РГАДА. — Ф. 68. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 53–54 об.
- ⁸¹Wimmer J. Op. cit. — S. 409–413; Власова Л. В. Указ. соч. — С. 28.
- ⁸²Так называемый Траянов вал на территории современной Молдавии был насыпан римлянами на рубеже I–II вв. (См.: БСЭ. — Т. 26. — М., 1977. — С. 176).
- ⁸³РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 1. — Л. 22–26. Интересно, что почти за сто лет до похода С. Куницкого, в феврале — марте 1594 г. казаки, осуществившие поход в Молдавию под руководством Григория Лободы, также сначала осаждали Тигину, затем Белгород и Килию, а потом Браилов и Измаил. Однако взять им удалось только Измаил. В остальных случаях им пришлось ограничиться разорением посадов и окрестных сел (См.: Леп'явко С. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. — Чернігів, 1996. — С. 124–125).
- ⁸⁴Wimmer J. Op. cit. — S. 412; Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 322.
- ⁸⁵Urbański T. Op. cit. — S. 37–39.
- ⁸⁶Wimmer J. Op. cit. — S. 414–415.
- ⁸⁷Ibid. — S. 31.
- ⁸⁸Wimmer J. Op. cit. — S. 412.
- ⁸⁹Величко С. Летопись... — С. 548.
- ⁹⁰С. Петричейку — А. Потоцкому. 7 января 1681 г. // Ilie Corfus. Documente privitoare la istoria României culese din arhivele polone. Secolul al XVII-lea. — București, 1983. — S. 304–305.
- ⁹¹См. также. Чухліб Т. В. Документи про фінансування... — С. 343–344.
- ⁹²Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... С. 321–322; Його ж. Документи про фінансування... — С. 343–344. Точка зрения Т. В. Чухлиба об утверждении Куницкого в Немирове в конце лета уже начинает получать признание в украинской историографии (См., например: Станіславський В. В. Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. — К., 2004. — С. 23).
- ⁹³Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 321. Примечание 44.
- ⁹⁴Там же. — Примечание 41.
- ⁹⁵BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 700–701
- ⁹⁶List z obozu pod Dunajowicami. 29 ноября (!) 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 843–850.
- ⁹⁷Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 321. Примечание 42.
- ⁹⁸Там же. Примечание 43. Ср.: Wiadomości ze Stryja. 10 декабря (!) 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 865–866.
- ⁹⁹Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 321. Примечание 45.
- ¹⁰⁰Nowiny zpod Granu. 25 октября 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 763–764.
- ¹⁰¹Wimmer J. Op. cit. — S. 416.

- ¹⁰²ВО. — Rps 248/II. — S. 171–172.
- ¹⁰³Wimmer J. Op. cit. — S. 410. См. примечание 24.
- ¹⁰⁴BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 699–704.
- ¹⁰⁵Doniesienia z Białej zpod samego Smoleńska. 16 октября 1683 г. // BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 731–732. С. Величко писал, что Драгинич «спокойний и смиренный человек», проведая о назначении С. Куницкого правобережным гетманом, «за часу <...> уступил з Немирова до Яс» (Величко С. Летопись... — С. 548).
- ¹⁰⁶BCz. — TN. — Rps. 179. — S. 742.
- ¹⁰⁷Wimmer J. Op. cit. — S. 409.
- ¹⁰⁸Kołodziejczyk D. Op. cit. — S. 106–115.
- ¹⁰⁹Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 321. В более поздней работе Т. В. Чухліб принимает правильную датировку — что Ян III в конце 1683 года приказал только изготовить упомянутую печать (Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи... — С. 285).
- ¹¹⁰ВО. — Rps 248/II. — S. 170–171.
- ¹¹¹Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 321.
- ¹¹²Instrukcja Stanisławowi Poradowskiemu i Wojciechowi Małkowskiemu... postom do Wojska JKM niżowego. Яворов. 31.5.1684 г. // AGAD. Archiwum Zamojskich (далее — AZ). — Rps. 3036. — К. 271–272; Копию документа см.: Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie (далее — APAN w Warszawie). — Materiały Janusza Wolińskiego (далее — MW). — Тека 69. — К. 289–290.
- ¹¹³ВО. — TL. — Rps. 3000/I. — S. 5; В конце января 1684 г. польско-литовские комиссары поставили в известность своих коллег на андрусовской комиссии о победах С. Куницкого и сообщили, что ему «ныне вновь королевское величество изволил послать на гетманство булаву, бунчук, и знамя войсковые клейноты и несколько пушек» (РГАДА. — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 214. — Л. 167). Выше приводились свидетельства, что ранее гетманские знамена и булава посылались Куницкому осенью.
- ¹¹⁴Власова Л. В. Указ. соч. — С. 28–29.
- ¹¹⁵Уже 26 марта Рада Сената обсуждала вопрос признания нового гетмана, вместо убитого С. Куницкого, Андрея Могилы. Еще раньше был составлен посвященный этому мемориал С. Друшкевича, обсуждавшийся сенаторами. См.: Senatus Consulta от 26 марта 1683 г. // AGAD. — AZ. — Rps. 3046. — К. 236–237, 275–276; копия APAN. — MW. — Тека 69. — К. 259–260, 292–293. Один из украинских летописцев отмечал, что С. Куницкий «убоялся, ушел малоллюдно, надеясь, что они казаки пропадут; однак казаки сильно боронячися от татар возвратилися и за тое убили казаки его» (См.: Летопись или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось в Украины малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был казаким // Сборник летописей... — С. 33).
- ¹¹⁶Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 322; Його ж. Гетьмани і монархи... — С. 282–283.
- ¹¹⁷Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (далее — BPAN w Krakowie). — Rps. 645. — S. 33–34.
- ¹¹⁸BCz. — Rps. 430. — S. 305; в копии письма, на которое ссылается Т. В. Чухліб, отсутствует разбивка на предложения, что делает текст менее понятным.

- ¹¹⁹ВО. — Rps. 248/II. — S. 173–174. Верно, по нашему мнению оценил «Кишиневскую присягу» Т. Урбаньский (См.: Urbański T. Op. cit. — S. 37).
- ¹²⁰Wagner M. Wojna turecka w polskich i zagranicznych gazetach ulotnych z lat 1684–1696 // *W cieniu szukamy jasności chwały. Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego*. — Siedlce, 2002. — S. 49–51.
- ¹²¹Ibid. Видимо одно из этих изданий обнаружил в берлинских архивах Лукас. Изложенные в нем события в целом совпадают с описаниями Т. Урбаньского и Я. Виммера (См.: ВО. — T.J. — Rps. 2999/I. — S. 171–172).
- ¹²²Urbański T. Op. cit. — S. 37.
- ¹²³ВО. — Rps 248/II. — S. 174–175.
- ¹²⁴Ян Собеский — С. Петричейку. 25 января 1684 г. // ВО. — Rps. 248/II. — S. 176–177. Публ.: Ilie Corfus. Op. cit. — S. 307–309.
- ¹²⁵Ibid. — S. 177–178. Публ.: Ilie Corfus. Op. cit. — S. 310–311.
- ¹²⁶Ibid. — S. 178. См. также: Urbański T. Op. cit. — S. 44–45.
- ¹²⁷Wimmer J. Op. cit. — S. 412.
- ¹²⁸С. Петричейку — И. Самойловичу. 12 января 1684 г. Яссы // РГАДА. — Ф. 68. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 62–64 об.
- ¹²⁹ВО. — ТЛ. — Rps. 3000/I. — S. 5. В 1685 казацкий гетман А. Могила разорил Сартолык, перебив людей Сулимки (1500 чел.). По сведениям Т. В. Чухлиба, в декабре 1683 г. Сулимка попал в плен к туркам, признал протекцию султана и летом 1684 г. был провозглашен гетманом (Чухліб Т. В. Козацький устрій Правобережної України (остання чверть XVII ст.). — К., 1996. — С. 46).
- ¹³⁰Doniesienia ze Stryja. 10 декабря 1683 г. // BCz. — ТЛ. — Rps. 179. — S. 865–866.
- ¹³¹Wimmer J. Op. cit. — S. 415.
- ¹³²РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 5. — Л. 6–7.
- ¹³³Там же. — Л. 49–51 об.
- ¹³⁴Там же. — Л. 2–4, 11–14.
- ¹³⁵Там же. — Л. 49–51 об.
- ¹³⁶РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 1. — Л. 37.
- ¹³⁷РГАДА. — Ф. 124. — Оп. 1, 1684 г. — Д. 5. — Л. 52–59.
- ¹³⁸Сергієнко Г. Я. Вказ. праця. — С. 50.
- ¹³⁹Антонович В. Б. Указ. соч. — С. 33–38; Сергієнко Г. Я. Вказ. праця. — С. 53–54; Архив ЮЗР. — Ч. 3. Акты о козаках. — Т. 2 (1679–1716). — К., 1868. — [Отд. II]. — С. 42–75.
- ¹⁴⁰Ян Собеский — Войску Запорожскому. 13 марта 1683 г. // АРАН. МВ. Тека 69. — К. 247–248 (Ср.: Чухліб Т. В. Гетьмани і монархи... — С. 334–336).
- ¹⁴¹AGAD. — AZ. 3046. — К. 237.
- ¹⁴²Архив ЮЗР. — Ч. 3. Акты о козаках. — Т. 2 (1679–1716). — К., 1868. — [Отд. II]. — С. 93–94
- ¹⁴³Костомаров Н. И. Указ. соч. — С. 371–372; Волк-Карачевский В. В. Указ соч. — С. 247–249.
- ¹⁴⁴Чухліб Т. В. Гетьман С. Куницький... — С. 325–326.